Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/MQVTHM
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)53

ПАСТЕРНАК И СЕВЕРЯНИН: ДВЕ РЕДАКЦИИ «ВОКЗАЛА»

© 2024 г. М.Д. Левина
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
Дата поступления статьи: 22 мая 2023 г.
Дата одобрения рецензентами: 19 апреля 2024 г.
Дата публикации: 25 сентября 2024 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-242-255

Аннотация: В раннем творчестве Б.Л. Пастернака, в частности в первых двух поэтических книгах «Близнец в тучах» (1914) и «Поверх барьеров» (1916/1917), обнаруживаются «следы» воздействия стилистики и образности Игоря Северянина (И.В. Лотарев). Впрочем, в 1928 г. Пастернак существенно перерабатывает ранние стихотворения для включения их в новую книгу. Поэт освобождает от северянинского влияния ряд стихотворений, но при этом не ликвидирует элементы поэтики и стилистики старшего поэта полностью. В данной статье показана эволюция реминисценций из текстов Северянина в ранней и поздней редакциях «Вокзала» Пастернака 1913 и 1928 гг. В редакции «Вокзала» 1928 г. Пастернак отказывается от части северянинских приемов, присутствующих в редакции 1913 г., в пользу «опрощения». Таким образом, он отстраняется от «вычурной» лексики и латиницы и в то же время добавляет разговорные и просторечные слова. Тем не менее, несмотря на подчеркнутый переход в новый период творчества, Пастернак, как представляется, сохраняет отдельные приметы своего прежнего стиля.
Ключевые слова: русская поэзия, русская поэзия XX в., Пастернак, Игорь Северянин.
Информация об авторе: Мария Дмитриевна Левина — аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Школа филологических наук), ул. Старая Басманная, д. 21/4, 105066 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-3495-0923
E-mail: mdlevina@hse.ru
Для цитирования: *Левина М.Д.* Пастернак и Северянин: две редакции «Вокзала» // Studia Litterarum. 2024. Т. 9, № 3. С. 242–255.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-242-255

Studia Litterarum,
vol. 9, no. 3, 2024

PASTERNAK AND SEVERYANIN: TWO EDITIONS OF *VOKZAL*

© 2024. Maria D. Levina
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
Received: May 22, 2023
Approved after reviewing: April 19, 2024
Date of publication: September 25, 2024

Abstract: Boris Pasternak's early work, in particular, in the first two books of poems, *Bliznets v tuchakh* (*Twin in the Clouds*, 1914) and *Poverkh bar'erov* (*Over the Barriers*, 1916/1917), demonstrates the "traces" of Igor Severyanin's (Igor Lotarev) style and imagery. However, in 1928, Pasternak significantly rewrote his early poems for a new book. The poet frees several poems from Severyanin's influence but does not eliminate the elements of his older contemporary's poetics and stylistic features. The present article shows the evolution of reminiscences from Severyanin's texts in early and late editions of Pasternak's *Vokzal* (*Station*, 1913, 1928). In the 1928 edition of *Vokzal*, Pasternak abandons some of Severyanin's techniques presented in the 1913 edition in favor of "simplification." Therefore, he moves away from the "artsy" vocabulary and Latin alphabet and, at the same time, adds colloquial words. Nevertheless, despite the emphasized transition to a new period in his work, Pasternak seems to retain some of his former style's particular signs.

Keywords: Russian poetry, Russian poetry of the 20th century, Pasternak, Igor Severyanin.

Information about the author: Maria D. Levina, PhD Student, National Research University Higher School of Economics (School of Philological Sciences), Staraya Basmannaya St., 21/4, 105066 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-3495-0923
E-mail: mdlevina@hse.ru

For citation: Levina, M.D. "Pasternak and Severyanin: Two Editions of *Vokzal*." *Studia Litterarum*, vol. 9, no. 3, 2024, pp. 242–255. (In Russ.)
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-242-255

Рассуждая о переработке ранних поэтических текстов, Н.Я. Мандельштам вспоминала о Б.Л. Пастернаке: «Как исказили бы мы нормальный ход событий, если б в зрелые годы или в старости стали исправлять свои юношеские поступки... Так поэты в старости часто исправляют юношеские стихи. С новых позиций, одаренные иным зрением и чувствами, они кромсают ощущения молодости, и в результате получаются не целостные стихи, а гибриды, курьезы, сращения из несовместимых материалов... Этим грешил в старости Пастернак» [6, с. 173]. Как известно, Пастернак нередко, а иногда и многократно переписывал стихотворения, в особенности из своих первых книг 1910-х гг. — «Близнец в тучах» (1914) и «Поверх барьеров» (1916/1917).

В рецензии на «Близнеца в тучах» В.Я. Брюсов отметил «футуристичность» пастернаковских текстов, являющуюся «не подчинением теории, а своеобразным складом души» [4, с. 16–17]. В Первом журнале русских футуристов В.Г. Шершеневич (под псевдонимом Egyx) указал на попытки Пастернака «надушиться Северянинскими духами» в «Близнеце в тучах» и засомневался, что этот сборник «войдет в современную русскую поэзию» [13, с. 140].

Сам Пастернак сожалел о публикации «Близнеца в тучах» и в 1928 г. решил «опростить» стихотворения, переработать их, «как может быть нельзя, как прозу» [10, с. 492]. В июне 1928 г. в письме к М.И. Цветаевой поэт признавался, что, переписывая первые книги, старался избавить их «от символического хлама (не Белого, не Блока — это люди простые), от архаизма и гороскопии тех времен, как и излишней порывистости футуристического нахрапа» [10, с. 492]. В сентябре того же года Пастернак делился

с О.Э. Мандельштамом, что «закорпелся над переделкою первых своих книг (Близнеца и Барьеров)» [7, т. 8, с. 256]. Он отмечал, что переиздавать их в неизменном виде невозможно, потому что в них, «кроме голого и часто оголенного до бессмыслицы движения темы, — ничего нет» [7, т. 8, с. 256].

Предметом нашей статьи станет эволюция реминисценций из текстов И. Северянина в редакциях стихотворения «Вокзал» Пастернака 1913 и 1928 гг. Первая редакция была опубликована в сборнике «Близнец в тучах», последняя — в «Начальной поре». Впрочем, основная тема в обеих редакциях стихотворения остается неизменной: вокзал, ставший устойчивой мифологемой в поэзии XX в.[1], представляется пространством «встреч и разлук». Заданная с самого начала противоречивость этого места прослеживается и далее: в нем заключены прошлое и настоящее, вечное и сиюминутное, движение и статика, жизнь и смерть. Соответственно, основными становятся мотивы порога, границы, перехода.

«Вокзал» 1913 г.

Вокзал, несгораемый ящик
Разлук моих, встреч и разлук,
Испытанный, верный рассказчик,
Границы горюнивший люк.

Бывало, — вся жизнь моя — в шарфе,
Лишь только составлен резерв;
И сроком дымящихся гарпий
Влюбленный терзается нерв;

Бывало, посмертно задымлен
Отбытий ее горизонт,
Отсутствуют профили римлян
И как-то — нездешен beau monde.

Бывало, раздвинется запад
В маневрах ненастий и шпал,

«Вокзал» 1928 г.

Вокзал, несгораемый ящик
Разлук моих, встреч и разлук,
Испытанный друг и указчик,
Начать — не исчислить заслуг.

Бывало, вся жизнь моя — в шарфе,
Лишь подан к посадке состав,
И пышут намордники гарпий,
Парами глаза нам застлав.

Бывало, лишь рядом усядусь —
И крышка. Приник и отник.
Прощай же, пора, моя радость.
Я спрыгну сейчас, проводник.

Бывало, раздвинется запад
В маневрах ненастий и шпал

1 См. тексты И.Ф. Анненского, А. Белого, Б.К. Лившица, М.И. Цветаевой и др.

И в пепле, как mortuum caput,
Ширяет крылами вокзал.

И трубы склоняют свой факел
Пред тучами траурных месс,
О, кто же тогда, как не ангел
Покинувший землю экспресс?

И я оставался, и грелся
В горячке столицы пустой,
Когда с очевидностью рельса
Два мира делились чертой.

И примется хлопьями цапать,
Чтоб под буфера не попал.

И глохнет свисток повторенный,
А издали вторит другой,
И поезд метет по перронам
Глухой многогорбой пургой.

И вот уже сумеркам невтерпь,
И вот уж за дымом вослед
Срываются поле и ветер,
О, быть бы и мне в их числе!

В описании уличного пространства в первой редакции стихотворения наблюдается немало типично северянинской лексики[2] («люк», «трубы», «экспресс», «рельс»):

Вокзал, несгораемый ящик
Разлук моих, встреч и разлук,
Испытанный, верный рассказчик,
Границы горюнивший люк.
<…>
И трубы склоняют свой факел
Пред тучами траурных месс,
О, кто же тогда, как не ангел,
Покинувший землю экспресс?

И я оставался, и грелся
В горячке столицы пустой,
Когда с очевидностью рельса
Два мира делились чертой.
[7, т. 1, с. 330–331]

2 Ср.: «Пласты смолового асфальта...» («Городская осень», 1911), «Муж приехал с последним автобусом...» («Отчаяние», 1912), «Стрекот аэропланов! беги автомобилей! / Ветропросвист экспрессов! крылолет буеров!..» («Увертюра», 1915) и др.

На специфически «городскую» окраску стилистики Северянина неоднократно обращали внимание современники. Брюсов видел в его изобилующих приметами городской среды текстах «лик современности» и утверждал, что Северянин смог «найти подлинную поэзию в автомобилях, аэропланах, дамских пышных платьях, во всей пестрой сутолоке нашей городской жизни» [5, с. 128]. В.В. Маяковский считал поэзы Северянина «стихами-шансонетками», которые «типичны для поэзии города» [8]. Позже В.Т. Шаламов назовет Северянина «принципиальным горожанином» [12, т. 5, с. 88].

Как видно, городское сооружение «вокзал» выполняет в первой редакции пастернаковского стихотворения функцию «рассказчика». Мотив разлуки на вокзале считывается на разных уровнях: с одной стороны, это расставание возлюбленных, с другой стороны, смерть, причем «вокзал» оказывается «люком», а «рельс» — буквальной границей между «двумя мирами». «Экспресс» способен пересекать эту границу и отправляться за горизонт, становящийся «посмертно задымленным». Очевидно противопоставление небесного и земного: «ангел», «экспресс» и «горячка столицы пустой». Так возникает движение не только по горизонтали, но и по вертикали.

Традиционный мотив трагической разлуки на железной дороге, восходящий к «Железной дороге» (1864) Н.А. Некрасова, «Анне Карениной» (1877) Л.Н. Толстого и «На железной дороге» (1910) А.А. Блока [1, с. 70], в пастернаковском «Вокзале» будто накладывается на северянинскую поэтику. «В пяти верстах по полотну...» (1912) Северянина лирический субъект испытывает боль после того, как возлюбленную увозит «экспресс» (это слово появляется именно у Северянина):

Прогрохотал искрометно и эластично экспресс.
Я загорелся восторгом! я загляделся на рельсы! —
Дама в окне улыбалась, дама смотрела на лес.
<...>
И не догнать, и не встретить. Греза — сердечная моль.
Все, что находит, теряет сердце мое... Боже, Боже!
Призрачный промельк экспресса дал мне чаруйную боль.

[9, с. 73]

Впрочем, если в ранней редакции «Вокзала» Пастернак упоминает иноязычный «экспресс», то в редакции 1928 г. он заменяет его «поездом» и добавляет устаревшее наречие «невтерпь» (вместо литературного «невтерпеж»):

И глохнет свисток повторенный,
А издали вторит другой,
И поезд метет по перронам
Глухой многогорбой пургой.

И вот уже сумеркам невтерпь,
И вот уж, за дымом вослед,
Срываются поле и ветер, —
О, быть бы и мне в их числе!
[7, т. 1, с. 67–68]

«Рельс», присутствующий в первой редакции и буквально обозначающий границу, в поздней редакции больше не разделяет миры. В то же время актуализируется мотив взаимосвязи внешнего и внутреннего мира: герой мечтает быть частью природы и мчаться вслед за возлюбленной вместе с «полем и ветром». Примечательно, что, описывая Цветаевой обстоятельства переписывания ранних книг, Пастернак сокрушался, что ему хотелось «вырваться на воздух» [10, с. 492]. В рассматриваемом стихотворении пространство вокзала предвосхищает освобождение героя, природная стихия порождает вдохновение, и так Пастернак намечает мотив творчества.

Обратим внимание, что для усиления эмоционального напряжения мечтаниям героя предпослано междометие «о». Подобные восклицания возникают и у других поэтов, в том числе у Северянина, Брюсова, Бальмонта. Однако И.Г. Эренбург заметил, что в поэзии Пастернака обилие восклицательного междометия «о!» «прекраснее и убедительнее всех дифирамбов» [14, с. 102]. Здесь можно вспомнить «обстоятельства великолепия» Пастернака — понятие А.К. Жолковского, использованное для описания особенностей пастернаковской поэтики, «охваченной великолепием и единством мира» [2, с. 157–168]. Дифирамбические восклицания Пастернака обращают к «высокому» аспекту «великолепия», а «систематическое

введение бытовой, бюрократической и иной “непоэтичной” лексики», подобной северянинской, — к «низкому» аспекту [3, с. 14].

В первой редакции «Вокзала» обнаруживается слово, нередко встречающееся на страницах северянинских книг[3]: героя окружает “beau monde”:

Отсутствуют профили римлян
И как-то — нездешен beau monde...
[7, т. 1, с. 331]

Употребление краткого прилагательного «нездешен» рядом с «бомондом» дает основания предположить наличие северянинского «следа». Так, Пастернак почти повторяет неологизм Северянина, который в 1911 г. заявил:

Я онебесен! Я онездешен.
И Бог мне равен, и равен червь!
[9, с. 208]

Для создания новых слов Северянин часто использовал приставку «о-»[4]. Изобретенное им слово «онездешиться» по достоинству оценил К.И. Чуковский в 1914 г. в статье «Футуристы» [11, с. 108]. Он утверждал, что короткие «слова-экспрессы» типа «окалошиться», «офрачиться», «онездешиться» войдут в русскую речь, поскольку «в сутолоке городов будет некогда изъясняться длительно-многоречиво, тратить десятки слов» [11, с. 108–110]. Любопытно, что в статье Чуковского, которую мог читать Пастернак, соседствуют слова «экспресс» и «онездешиться» (в первой редакции «Вокзала» — «экспресс» и «нездешен»). Инфинитивную форму окказионализма «онездешиться» Северянин использует в стихотворении «Мисс Лиль» (1911), призывая «ночную бабочку»:

...Надо онездешиться,
Надо быть улыбчатой, тихой и немой.
[9, с. 93]

3 См. стихотворения «Цветок букета дам» (1911), «Гюи Де Мопассан» (1912) и др.

4 Об этом и других способах словообразования Северянина см. статью Р.Ф. Брандта «О языке Игоря Северянина» (1916).

В тексте Пастернака 1913 г., очевидно, также появляется бабочка «Мертвая голова», именуемая Пастернаком как “mortuum caput”:

Бывало, раздвинется запад
В маневрах ненастий и шпал,
И в пепле, как mortuum caput,
Ширяет крылами вокзал.
[7, т. 1, с. 331]

Хотя на латыни этот бражник имеет название “Acherontia atropos”, Пастернак совершает обратный перевод его названия (с русского на латынь). Само же словосочетание “mortuum caput” в переносном значении переводится как нечто мертвое, лишенное содержания. Однако Пастернак, по собственному признанию, сравнивает здание вокзала именно с ночной бабочкой «дымно-пепельного» цвета — «цвета министерства путей сообщения» [7, т. 1, с. 544].

Много позже Пастернак поделится, что его близкому другу в 1910-х гг. С.П. Боброву нравилась строфа «Бывало, раздвинется запад...» [7, т. 3, с. 325]. В сентябре 1913 г. в письме к Боброву Пастернак выразил желание опубликовать «Вокзал» в эгофутуристическом альманахе «Всегдай», изменив эту строфу: «Бывало, раздвинется... / ...переполнив фиал» [1, с. 69]. Отметим, что «фиал», пришедший из поэзии XIX в., возникает в варианте Пастернака под возможным влиянием Северянина, который регулярно и охотно эксплуатировал этот образ. Так, в «Фиолетовом трансе» (1911) Северянина из данной чаши выпивает лирическое «я»:

Я выпил грез фиалок фиалковый фиал...
[9, с. 56]

Еще ранее, в «Хабанере I» (1909) Северянин требовал налить в фиал вина:

Гитана! сбрось бравурное сомбреро,
Налей в фиал восторженный кларет...
[9, с. 192]

Ничего из этого — ни фиала, ни бабочки, ни бомонда — в редакции «Вокзала» 1928 г. не остается:

Бывало, вся жизнь моя — в шарфе,
Лишь подан к посадке состав,
И пышут намордники гарпий,
Парами глаза нам застлав.

Бывало, лишь рядом усядусь —
И крышка. Приник и отник.
Прощай же, пора, моя радость!
Я спрыгну сейчас, проводник.

Бывало, раздвинется запад
В маневрах ненастий и шпал
И примется хлопьями цапать,
Чтоб под буфера не попал.

[7, т. 1, с. 67]

На смену северянинской стилистике приходят сугубо разговорные и просторечные слова: «и крышка», «цапать». Пастернак словно прислушивается к советам современников, в частности М. Цветаевой и М. Горького, которые желали ему простоты[5]. Кроме того, образ бабочки заменяется более повседневным, но не менее зловещим образом «цапающих хлопьев», поднятых уходящим поездом. По меткому замечанию Жолковского, «цапание» указывает на повторяемость событий, поскольку этот процесс «итеративен сам по себе» [3, с. 156–157].

В редакции 1928 г. существенно меняется эмоциональный стержень эпизода разлуки. По точному наблюдению М.Л. Гаспарова и К.М. Поливанова, на место «усталой отрешенности» приходят воспоминания [1, с. 87–88]. Как и в первой редакции, здесь трижды анафорой повторяется слово «бывало», однако за ним следуют уже менее разрозненные образы из прошлого, более конкретные события. В новой редакции развивается

5 См. переписки Пастернака с Цветаевой и Горьким.

любовная линия, герой напрямую обращается к возлюбленной: «Прощай же, пора, моя радость!» В другом обращении — «Я спрыгну сейчас, проводник» — можно распознать биографическую отсылку. Провожая И. Высоцкую, часто путешествовавшую за границу, Пастернак подсаживался к ней и выскакивал из уже отъезжающего поезда [7, т. 1, с. 431].

В то же время в обеих редакциях «Вокзала» жизнь героя заключена «в шарфе». Образ завязанного шарфа можно интерпретировать как цикличность жизни (повторяемость разлук на вокзале) и в то же время как смерть (петля на шее). Последнее истолкование подкрепляется помимо прочего присутствием смертоносных чудовищ «гарпий» в обеих редакциях, а также «профилей римлян», изображаемых на саркофагах, и «туч траурных месс» в редакции 1913 г. и появляющимися в редакции 1928 г. словами героя «и крышка», подчеркивающими семантику гибели.

Хотя в поздней редакции Пастернак трансформирует образ вокзала из «рассказчика» в «указчика», он сохраняет ассоциацию вокзала с «несгораемым ящиком», в котором большая часть воспоминаний относится к моментам разлуки, а не встреч (слово «разлуки» дважды указывается в обеих редакциях):

Вокзал, несгораемый ящик
Разлук моих, встреч и разлук...
[7, т. 1, с. 67, 330]

Позже, в «Людях и положениях» (1956), Пастернак, упоминая обстоятельства написания «Вокзала», отметит, что вокзал — непременно то место, в котором содержатся целые истории отношений: «...вдали в конце путей и перронов возвышался, весь в облаках и дымах, железнодорожный прощальный горизонт, за которым скрывались поезда и который заключал целую историю отношений, встречи и проводы и события до них и после них» [7, т. 3, с. 325]. Повторение в «Вокзале» слова «разлуки», вероятно, указывает на итерацию, цикличность этих событий.

Время в начале редакции 1928 г. задается как «самое общее и неопределенное настоящее», первые глаголы — инфинитивы совершенного вида, соединенные бессоюзно с приложением как «абсолютной конструкцией» [3, с. 155]:

Испытанный друг и указчик,
Начать — не исчислить заслуг.
[7, т. 1, с 67]

После инфинитивного начала статичности места противопоставляются последовательные действия: состав «подан», намордники «пышут», герой вот-вот «спрыгнет» и т. д. Так Пастернак «переплетает все возможные времена» [3, с. 157]. Заметим, что среди поэтов, откликнувшихся на модернистский «всплеск» инфинитивного письма в начале XX в., Жолковский упоминает как Пастернака, так и Северянина [3, с. 212–213]. Особенно часто у обоих поэтов встречаются «приравнивающие» инфинитивные конструкции, насыщенные «философской афористичностью» о жизни, любви и поэзии [3, с. 439], такого типа, как последняя из приведенных строк «Вокзала».

Таким образом, переписывая ранние стихотворения из книг «Близнец в тучах» и «Поверх барьеров», Пастернак освобождает их от того, что было значимо в его поэтическом языке 1910-х гг., в частности от обыгрывания северянинских приемов, «изысканной» лексики и стиля. Как было показано, для включения «Вокзала» в новый сборник «Начальная пора» при сохранении основной темы Пастернак тщательно «очищает» текст от северянинских ассоциаций в пользу «опрощения» и усиливает любовную тему. В поздней редакции возлюбленная покидает героя, мечтающего следовать за ней, в обыкновенном «поезде», а не иноязычном «экспрессе». Кроме того, поэт буквально отказывается от латиницы: среди толпы больше нет представителей высшего света (“beau monde”), а здание вокзала не уподобляется бабочке или чему-то мертвому (“mortuum caput”). «Вычурные» северянинские лексика и стилистика заменяются разговорными, просторечными и архаичными словами («и крышка», «цапать», «невтерпь»). Поздняя редакция «Вокзала» в целом становится «понятнее» и демонстрирует переход Пастернака в новую фазу творческого развития, что подчеркивается в финальных строчках. Однако нам представляется существенным, что, хотя Пастернак уменьшает число стилистических сходств с Северяниным, он не ликвидирует их полностью. Появляются «приравнивающая» инфинитивная конструкция и дифирамбичное восклицание «о». Так, переделывая ранние редакции, Пастернак оставляет часть примет прежнего стиля.

Список литературы

Исследования

1 *Гаспаров М.Л., Поливанов К.М.* «Близнец в тучах» Бориса Пастернака: опыт комментария. М.: РГГУ, 2005. 143 с.

2 *Жолковский А.К.* «Обстоятельства великолепия»: об одной пастернаковской части речи // «Voz'mi Na Radost'». To Honour Jeanne van der End-Liedmeier. Amsterdam: Slavic Seminar, 1980. 446 с.

3 *Жолковский А.К.* Поэтика Пастернака: инварианты, структуры, интертексты. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 600 с.

Источники

4 *Брюсов В.Я.* Год русской поэзии (апрель 1913 года — апрель 1914 года) // Русская мысль. 1914. № 6. С. 14–18.

5 *Брюсов В.Я.* Новые течения в русской поэзии. Футуристы // Русская мысль. 1913. № 3. С. 124–133.

6 *Мандельштам Н.Я.* Собр. соч.: в 2 т. Екатеринбург: Гонзо, 2004.

7 *Пастернак Б.Л.* Полн. собр. соч.: в 11 т. М.: Слово, 2003–2005.

8 Саратовский вестник. 1914. 21 марта. № 67.

9 *Северянин И.* Полн. собр. соч. М.: Альфа-книга, 2017. 1240 с.

10 *Цветаева М.И., Пастернак Б.Л.* Души начинают видеть. Письма 1922–1936 годов. М.: Вагриус, 2004. 717 с.

11 *Чуковский К.И.* Лица и маски. СПб.: Шиповник, 1914. 355 с.

12 *Шаламов В.Т.* Собр. соч.: в 6 т. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2004–2005.

13 <*Шершеневич В.Г.*> Борис Пастернак. Близнец в тучах. К-во «лирика» // Футуристы. Первый журнал русских футуристов. № 1–2. М., 1914. С. 140–141. (Подписано псевдонимом Egyx.)

14 *Эренбург И.Г.* Портреты русских поэтов. СПб.: Наука, 2002. 351 с.

References

1 Gasparov, M.L., and K.M. Polivanov. *“Bliznets v tuchakh” Borisa Pasternaka: opyt kommentariia* [*“Twin in the Clouds” by Boris Pasternak: A Commentary*]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2005. 143 p. (In Russ.)

2 Zholkovsky, A.K. “‘Obstoiatel’stva velikolepiia’: ob odnoi pasternakovskoi chasti rechi [“‘Circumstances of Splendor’: About one Pasternak’s Part of Speech]. *“Voz’mi Na Radost’.” To Honor Jeanne van der End-Liedmeier.* Amsterdam, Slavic Seminar Publ., 1980. 446 p. (In Russ.)

3 Zholkovsky, A.K. *Poetika Pasternaka: invarianty, struktury, interteksty* [*Pasternak’s Poetics: Invariants, Structures, Intertexts*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011. 600 p. (In Russ.)